

Аманда

22 июля 1998 года, 21:00

Мы только что начали церемонию зажигания фонарей — в мой последний год пребывания в лагере Макау. Постепенно во мне оживали воспоминания — запах дыма от походного костра, который мы устраивали каждую неделю; шум игр, походивший на внезапно начавшийся ливень; призывы и ответы, звучавшие среди леса, когда нужно было захватить чей-то флаг. Сосны и грязь, песок и солнцезащитный крем.

Идея проста, но весьма эффективна — сделать летающий фонарик из папиросной бумаги, свечей и проволоки, а затем написать желание на его хрупких стенках. Желание должно было исходить из самого сердца, ведь через несколько часов фонари будут зажжены и устремятся в небо, то поднимаясь, то опускаясь, чтобы, в конце концов, приземлиться на каком-то далеком берегу.

Церемония началась в сумерках за несколько дней до конца июльского тура. В ту последнюю ночь я держала заранее сделанный фонарь, стараясь не подносить его близко к телу, чтобы ненароком не раздавить,

пока мы шли вместе с остальными обитателями лагеря к Свимминг Бич. В мои сандалии набились камешки, так что моя лучшая подруга Марго хихикнула, глядя на то, как я трясусь задранной ногой.

— Предупреждение о камнепаде, — выдала она.

— Баю-бай, детка.

— Камень, ножницы, бумага.

— Рок* круглые сутки.

— Вы, двое, замолчите наконец? — раздраженно сказал Райан, поглядев на нас через плечо. Он был старшим братом Марго, и в свои двадцать лет казался матерым по сравнению с нами, семнадцатилетними — настоящий взрослый, причем объект моих тайных желаний, одно из которых я запечатлела на стенке фонарика.

Марго показала ему язык, потом состроила насмешливую гримасу. Как младшие вожатые мы были обязаны подавать положительный пример. Мы достаточно близко к сердцу принимали эту ответственность, к тому же беспокоились, что, если будем сильно шуметь по дороге на пляж, наши желания могут не сбыться. Существовали, в конце концов, определенные правила. Позаботится ли Великий Исполнитель Желаний о просьбах легкомысленных девушек? Нам не хотелось рисковать.

Всего нас было 150 человек — отдыхающих и представителей персонала, держащих разноцветные бумажные фонарики — настоящий калейдоскоп надежд и мечтаний. Мы потихоньку пробирались к пляжу, царило молчание вместо привычной франко-англий-

* Игра слов: в каждом предложении употребляется слово *rock*, переводимое по-разному в зависимости от контекста (*прим. перев.*)

ской разноголосицы. Нас словно предупреждали о том, что грядет что-то важное, такое, которое пребудет вовеки. Озеро было без единой морщинки, как это часто бывает на закате, а его солоноватый запах был настолько знаком, что мы практически его не ощущали. Райан вывел нас к плавучим докам, ячейки которых качались у нас под ногами. Ни дуновения ветерка, восходящая луна отражалась в зеркальной глади озера идеально круглым пятном. В двухстах футах от нас швартовалась маленькая флотилия парусных лодок — скрипевшие фалы оскверняли своим шумом ночной покой.

Кто-то впереди меня споткнулся о край причала. Ноша упала из рук в воду.

— Мой фонарик!

— Тссс! — разом зашипели двадцать вожатых, всколыхнув ночь. Девочка десяти лет закрыла лицо руками, ее плечи дрожали. «Значит, не сегодня исполнятся ее желания», — подумала я, крепко сжав собственный фонарик, хотя и понимала, что моим надеждам тоже не суждено сбыться, а трепет в моем сердце был порожден скорее мыслями, нежели ожиданием.

Не сейчас...

Причал был расположен буквой U, таким закругленным недоквадратом; если бы вы прошли по периметру, то снова оказались бы на пляже. На полпути, у большой спасательной пристани, Райан достал из кармана пластиковую зажигалку. Язычок пламени осветил его красивое лицо. В каждом летнем лагере был такой парень, как Райан — мальчишками он верховодил, а девчонки, в свою очередь, вешались на него. Когда лагерь Макау только начинал работу, у тогдашнего Райана в руке наверняка была бы «Зиппо», а изо

рта свисала бы сигарета. Но на дворе был 1998 год: мы носили водолазки и шорты, а волосы у всех мальчишек напоминали вороньи гнезда.

Но свое дело зажигалка сделала.

Райан действовал быстро. Чтобы достичь наиболее впечатляющего эффекта, нам нужно было запустить в воздух фонарики одновременно. Когда я подошла к нему, то развернула свой так, чтобы надпись на стенке оказалась прижатой к моей толстовке: Райан был из тех парней, которые могли бы выхватить его из моих рук, чтобы прочесть желание. Прошлым летом, когда моя любовь к нему была в самом разгаре, он так и сделал. Но тогда я не посмела написать на стенке фонарика его имя. Вместо этого сделала глупую надпись, что, мол, хочу научиться хорошо управлять виндсерфингом. Он предложил дать мне несколько уроков, но как-то не всерьез. А я тогда была лишь одной из его многочисленных обожательниц.

Но этим летом все было иначе. Я осмелела и написала то, чего — а вернее, кого — я действительно хотела. Но вместо того, чтобы попытаться прочесть надпись, он наклонился поближе и спросил: «Увидимся на Острове позже?»

Все, что я могла сделать, это кивнуть, когда мое сердце подпрыгнуло в груди, словно лягушка на горячей сковородке. Он щелкнул зажигалкой. Зажег свечу, и я на мгновение прижала фонарь к себе, чувствуя, как жар просачивается сквозь тонкую бумагу. Я двинулась вперед, к причалу, ожидая, что фонарик начнет вырываться из моих рук. Когда это, наконец, произошло, я подняла его и отпустила, наблюдая, как он присоединяется к остальным; потом обогнула причал и ступила на твердую землю.

Я никогда не скажу

Когда все фонарики устремились в небо, Марго начала петь «Горящий огонь» своим сладким голосом-альтом. Мы пели поочередно на английском и французском, снова и снова; наши голоса поднимались и затихали, словно лодки на волнах.

Когда наши фонари начали скрываться в тумане, мы с Марго подошли к Боут-Бич. Держа каноэ за нос и корму, мы спустили его на воду, поправили налобные фонарики и забрались внутрь.

А потом мы поплыли на остров.

	Аманда	Марго	Райан
21:00	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей

Двадцать лет спустя
Пятница

Глава 1

Рутина

Шон

Для Шона Бута каждое утро, насколько он мог помнить, начиналось одинаково: он просыпался в маленькой комнате, кое-как упрятанной под водосток; дешёвые одеяла, под которыми он спал, обвивали лодыжки, ветер шумел в ветвях деревьев за его открытым окном.

Было 6:45. Всегда ровно 6:45. Ему не нужно было проверять время, он чувствовал его нутром. Шон немедленно встал. Бездельником его не назвал бы никто. У него был определённый распорядок, и он придерживался его. Минута уходила на то, чтобы снять полотенце со спинки кровати и обернуть его вокруг обнажённой талии. Ещё несколько минут — душ в маленькой кабинке в конце коридора, сначала ледяной, а потом почти обжигающий. Он верил в пользу трёхминутных обливаний — ни больше, ни меньше, причем «больше» означало расточительство. Он потерял свой короткий ежик волос бруском мыла «Дав», затем брусок попутешествовал по его груди и морщинам на теле. В сорок пять лет их у него было предостаточно,

хотя все остальное выглядело почти так же, как и всегда. Он выключил душ, почистил зубы и вернулся в комнату в 6:52. Воспользовавшись старым полотенцем, он стер оставшиеся капли воды, затем надел свои выцветшие брюки-карго и футболку с длинными рукавами. Приближался День труда*, так что утренний холод задержится надолго, вплоть до полудня, и он решил покрасоваться в одной из своих двух толстовок лагеря Макау.

Было 6:58 утра, когда он ступил на лестницу, которая привела его в главную комнату. Уже на пороге его встретил запах яичницы и чуть пережаренного тоста. Войдя, он помахал Эми. Теперь, когда туристы разъехались, из всего кухонного персонала осталась одна она. Осталась, поскольку ждала скорого прибытия новых гостей.

Он толкнул скрипучую дверь веранды. Несмотря на яркое солнце, на траве все еще оставался иней. Надо было бы скосить траву, но придется подождать, пока влага не испарится.

Он подошел к концу деревянного крыльца и осмотрел внутренний двор — площадку для игры в мяч, магазин скобяных изделий на другом конце, дорогу к Боут-Бич и Свимминг Бич. Столетние сосны создавали впечатление замкнутости, но это никогда не беспокоило его. Это был единственный дом, который он когда-либо знал, единственный дом, в котором ему хотелось жить, и мысль о том, что ему придется распрощаться с привычной рутинной и маленькой комнатой вверху этого домика, была слишком тяжелой. Слишком...

* Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

Я никогда не скажу

Нет, пока рано беспокоиться, пока ничего еще не произошло. Мистер Макаллистер обещал, что о нем позаботятся, а ведь до этих пор все, о чем говорил мистер Макаллистер, сбывалось с завидной точностью. Ему нужно быть терпеливым. И Господу ведомо, что он знает, как этого добиться.

Он поднял руку и схватился за потертую веревку колокола. Хотя будить было некого, он все равно дернул за нее, возвещая о наступлении дня. Он прозвонил восемь раз: по одному на каждый час, и еще один — специально для нее. Звон резал его уши, причем правое слышало уже не так хорошо после многих тысяч таких упражнений.

Ну и хватит. Ему надо было кое-чем заняться.

Приближались Макрели.